

Глава 7. Обида крохи Гуавацзы

Род Нань по праву считался одним из столпов Хайчэна. За долгую историю, полную взлётов и сокрушительных падений, семья не раз оказывалась на грани разорения, едва не канув в неизвестность.

Восемь лет назад ушёл из жизни старый господин Нань, тогдашний глава дома. Не прошло и полугода, как его сын с невесткой погибли в кораблекрушении. Огромное наследство и пошатнувшийся престиж семьи легли на плечи единственного наследника — семнадцатилетнего Нань Чжэна.

В мире влиятельных кланов нет места крепкой привязанности, здесь правит лишь чистая выгода. Когда дом Нань ослаб, а во главе его остался лишь безусый юнец, стервятники всех мастей расправили крылья, готовясь поделить лакомый кусок.

Они предвкушали лёгкую расправу над загнанным зверем, но просчитались. Даже припёртая к стенке собака способна перегрызть глотку, что уж говорить о Нань Чжэне, который оказался вовсе не из тех, кто безропотно подставляет шею под нож.

Он тихо вернулся из-за границы, в считанные дни взял бразды правления в свои руки и нанёс сокрушительный ответный удар. Те, кто пытался урвать кусок побольше, получили по зубам. Когда недоброжелатели осознали, что юноша им не по зубам, и попытались объединиться, Нань Чжэн разбил их поодиночке.

Охотники сами превратились в дичь.

Спустя восемь лет семья Нань возглавила иерархию Хайчэна. Те, кто когда-то злорадствовал, либо разорились, либо жили в вечном страхе, стараясь лишней раз не попадаться на глаза Боссу. Впрочем, находились и недовольные, которые время от времени напоминали о себе жалкими выходками.

В день гибели родителей Нань Чжэн был далеко. Когда он вернулся, океан уже поглотил все улики, а человеческие руки тщательно подчистили то, что осталось. Едва закрепив власть, Нань Чжэн начал тайное расследование. Сейчас, когда он наконец нащупал след, враги, почуяв скорую расплату, окончательно потеряли голову и решились на открытое нападение.

К счастью...

— Босс, я со всем разобрался.

Чжао Цинь довёз Нань Чжэна до виллы. Будучи блестящим исполнителем, он в кратчайшие сроки уладил все формальности после аварии и теперь явился с докладом.

Нань Чжэн уже успел переодеться. Увидев секретаря, он отложил телефон и сцепил пальцы в замок под подбородком. Несмотря на утончённые, почти книжные черты лица, он смотрел из-за стёкол очков с такой пронзительностью, что Чжао Цинь, давно привыкший к властному нраву начальника, невольно выпрямил спину.

— Пока глаз с них не спускать. А дальше... — мужчина иронично, почти презрительно усмехнулся. — Посмотрим, как они начнут метаться.

Чжао Цинь почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал эту улыбку: внешне спокойную, но заставляющую сердце уходить в пятки. Когда Нань-цзун так улыбался, кто-то неизменно платил за свою глупость непомерную цену.

— Ещё что-то?

— А? — Чжао Цинь удивлённо моргнул, заметив, что Босс внезапно погрузился в работу.

Нань Чжэн больше не смотрел на него. Он сосредоточенно уставился в экран монитора. Когда телефон на столе тихо звякнул, мужчина взял его, что-то быстро набрал и, заметив, что секретарь всё ещё здесь, недовольно нахмурился.

Чжао Цинь успел мельком заглянуть в экран.

— Виноват... уже ухожу.

Покидая виллу в смятенных чувствах, секретарь уже завёл мотор, когда в голове его всплыла странная деталь.

— Погодите-ка... — прошептал он в пустоту салона. — Неужели Босс... играл в игру?

В тот самый момент?!

Это никак не вязалось с образом сурового стратега, обсуждающего план по уничтожению врагов. Чжао Цинь достал свой смартфон, нажал на знакомую иконку и, вспомнив то мимолётное видение на экране начальника, понял, что прикоснулся к какой-то невероятной тайне.

— Опять мой сынок ушёл из дома, — пробормотал он с досадой, глядя в экран.

В тёмной комнате вспыхнул зеленоватый свет экрана. Маленькая чёрная тень деловито

выскочила из сияния и, привычно оттолкнувшись задними лапками, прыгнула на кровать.

«Щёлк!»

Вспыхнул яркий свет, заливая спальню и обнажая каждую деталь интерьера.

От неожиданности крошечный комочек вздрогнул. Толчок получился сильнее обычного, и тельце лягушонка описало в воздухе высокую дугу. В ярких лучах ламп вокруг него на миг возникло призрачное, почти божественное сияние, после чего...

«Плюх!»

Тишина. Гробовая тишина.

На широкой кровати полулежал мужчина. Ворот льняной пижамы был расстёгнут, открывая взору бронзовую кожу, чёткие линии ключиц и широкую грудь, которая сейчас вздымалась подозрительно часто.

Нань Чжэна трудно было винить. То, что он видел, не вписывалось ни в какие рамки здравого смысла и жизненного опыта.

Прямо на сером одеяле, накрывавшем его живот, неподвижно замер ярко-зелёный комочек.

Огромные чёрные глаза-бусины уставились прямо на мужчину. Он моргнул раз, другой.

Кроха Гуавацзы совершенно растерялся. Обычно он навещал А-ма втайне, пока тот спал. Но в этот раз... А-ма не спал! А-ма его заметил!

Маленькая голова лягушонка соображала туго, но одно он знал точно: они с А-ма принадлежали к разным мирам и видам. Его здесь быть не должно, но...

Гуавацзы так соскучился по А-ма...

Целую минуту они молча рассматривали друг друга. Наконец Нань Чжэн пришёл в себя. Застыв в неудобной позе после того, как он потянулся к выключателю, он медленно выпрямился.

Пухлый, округлый лягушонок на его животе тоже шевельнулся, и тут произошло нечто совсем уж невообразимое.

— Гуа! А-ма... — Гуавацзы поднял крошечную лапку и, расплывшись в широкой улыбке,

поприветствовал «родителя».

Глава дома Нань, который и бровью не повёл бы перед лицом гибели всего клана, почувствовал, как силы покидают его. Он дрогнул, едва не завалившись обратно на подушки, а сам он испытал подлинный ужас.

Однако Нань Чжэн не зря считался железным человеком. Шокирующая мутация, превратившая обычную лягушку в говорящее мифическое существо, нанесла сильный удар по его психике, но он быстро взял себя в руки.

— Ты... ты кто такой?

Гуавацзы подпрыгнул на животе А-ма, подбираясь поближе.

— Не подходи.

Нань Чжэн предостерегающе поднял руку.

— Гуа? — Лягушонок замер. Он чинно сложил четыре лапки и склонил голову набок, невинно хлопая огромными глазами.

«Бред какой-то», — подумал Нань Чжэн. Ему показалось, что на мордочке существа отразилась самая настоящая обида. Впрочем, если лягушки начали разговаривать, то и мир, сошедший с ума, перестал казаться чем-то невозможным.

— А-ма?

Гуавацзы и впрямь стало горько. Обычно А-ма в игре был так добр к нему: гладил, покупал вкусности и обещал накопить на палатку. А сегодня мало того, что не приготовил ужина, так ещё и встречает вот так, когда кроха пришёл к нему посреди ночи, потому что соскучился.

Гуавацзы выпятил нижнюю губу, а на его глазах начали стремительно наворачиваться слёзы.

Что должен делать нормальный человек, когда лягушка называет его папочкой и вот-вот разрыдается?

Нань Чжэн не знал, как поступили бы другие. Он просто вытянул из коробки бумажную салфетку и протянул её существу.

Глядя на то, как опешивший лягушонок принимает салфетку двумя передними лапками и совершенно по-человечески начинает вытирать слёзы и шмыгающий нос, Нань Чжэн всерьёз

задумался...

А что это вообще за слово такое — «А-ма»?

<http://bllate.org/book/17499/1709021>